

Книга о том, какой страшный
урон детской психике наносит
система образования

ВИКТОР ЗАГОСКИН

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ДЕТСКИЕ ТРАВМЫ

18+

Виктор Загоскин
Детские травмы

«Автор»

2026

Загоскин В.

Детские травмы / В. Загоскин — «Автор», 2026

«Детские травмы» - это откровенная и пронзительная автобиографическая книга, в которой автор возвращается к событиям своего детства, чтобы понять, как пережитый опыт сформировал его личность и повлиял на взрослую жизнь. Через яркие, местами жесткие и эмоционально насыщенные эпизоды читатель погружается в мир детского сада, школы и подростковой среды, где сталкиваются жестокость, равнодушие и первые попытки сопротивления несправедливости. Это не просто воспоминания - это честный разговор о психологическом насилии, роли взрослых в судьбе ребенка и последствиях, которые остаются с человеком на годы. Автор не боится называть вещи своими именами, анализируя поведение учителей, систему образования и общественные установки, которые зачастую калечат детскую психику. Книга будет близка всем, кто когда-либо сталкивался с травмирующим опытом в детстве, а также родителям, педагогам и тем, кто стремится лучше понять природу человеческих переживаний.

© Загоскин В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ГЛАВА 1. ДЕТСКИЙ САД И МОЯ ПЕРВАЯ И ПОСЛЕДНЯЯ ВОСПИТАТЕЛЬНИЦА	6
ГЛАВА 2. НАЧАЛЬНАЯ ШКОЛА И УЧИТЕЛЬНИЦА ПЕРВАЯ МОЯ	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Виктор Загоскин

Детские травмы

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я родился на Урале в 1981 году на стыке времён, изменений и тектонических сдвигов эпохи. Детство у меня было вполне среднестатистическим: нельзя сказать, что я был избалован, но люмпен-пролетарской простоты и убогости я никогда не ощущал. Родители у меня – обычные служащие: папа работал в системе минобороны, мама – в сфере здравоохранения. Всё как у всех: семья, двое детей, жизнь от зарплаты до зарплаты, квартира по распределению в Москве, перестройка, гласность, развал СССР, капитализм, угарные 90-е, периодические кризисы в стране и обществе. Мы выживали как могли, хотя местами брезжила слабая надежда, что всё наладится и непременно всё будет просто отлично!

Сейчас мне под 40 лет, и в связи с накрывающим меня кризисом среднего возраста я начинаю копать в себе и искать причины своих жизненных неудач. Именно так психологи работают со своими клиентами, пытаюсь вытащить в воспоминаниях детские травмы, ставшие основой девиантного поведения. А оно во мне, разумеется, есть и довольно часто мешает в повседневной жизни. Отмотав половину – хотелось бы надеяться, что не меньше – своего жизненного срока, я бы хотел поделиться личной историей с читателем, у которого, возможно, есть дети. Мой совет прост и отчасти горек: не калечьте собственных отпрысков, разговаривайте с ними, будьте им друзьями, пресекайте любые попытки психологического насилия и унижения в школе, иначе в их взрослой жизни – тем, кто доживёт – придётся очень туго.

Несправедливостей вокруг очень много, и полезно узнавать это с детства, разрабатывая навыки противостояния лжи, унижению и насилию. Сравнивая с вакцинопрофилактикой, стоит отметить, что каждому необходима прививка для выработки пожизненного иммунитета от зла и ненависти. Но каждая вакцина должна иметь строгую дозировку, иначе организм может и не справиться с перегрузкой.

В принципе, я очень благодарен жизни за то, что она меня потрепала – не сильно, но очень запоминающе. Судьба меня всё же оградила от изнасилований, надругательств и серьёзных побоев. Мне удалось не сломаться и справиться с поворотами судьбы, чего не скажешь о многих моих одноклассниках: некоторые из них спились, обдолбались наркотиками, шагнули вниз с балкона квартиры, опустились на самое днище общества. Им не удалось выжить, а обидчикам, которые нас морально изничтожали, удалось. В этом сборнике новелл я буду называть и препарировать бесчеловечные поступки этих нелюдей, чтобы эта ответка довела их до инсульта – вот прямо как в восхитительном английском фильме «Смерть Сталина». Я посвящаю этот сборник вам, уважаемые работники образования, повстречавшиеся на моём пути. Я желаю вам закончить вашу жизнь на полу в собственной моче и кале, ровно так, как это было с Иосифом Виссарионовичем, которому вы ловко подражали в самоутверждении за наш счёт.

Дисклеймер: иллюстрации к книге взяты из открытого доступа со свободной лицензией в сети интернет. Все персонажи в этой книге являются вымышленными, и любое совпадение с реально живущими или жившими людьми совершенно случайно.

Дело, как вы понимаете, в том, что в полицейском государстве статью 137 УК РФ никто не отменял! Погуглите на досуге – отличная статья!

Приятного (или неприятного?) чтения!

ГЛАВА 1. ДЕТСКИЙ САД И МОЯ ПЕРВАЯ И ПОСЛЕДНЯЯ ВОСПИТАТЕЛЬНИЦА

В 1986 году мы получили трёхкомнатную квартиру в Крылатском. В те времена это была окраина Москвы без метро, застроенная типовыми панельными 17-этажными домами, в нашем случае серии П-44. Мне досталось место в детском саду в 200 метрах от нашего дома – тоже типовая панельная постройка высотой в два этажа.

Козлова Екатерина Григорьевна, воспитатель нашего детского сада – человек отчаянно жестокий по отношению как к чужим детям, так и к собственному сыну. Сына её звали Саша, он учился в школе и после занятий приходил к нам в сад делать уроки, ждя, пока мама наконец освободится от воспитания нас, несмышленишей. Каждый раз Екатерину Григорьевну что-то раздражало в собственном сыне – она обзывала его при нас идиотом и дебилом, грозила, что из него ничего путного не выйдет, что он тупой, и, в назидание нам, настоятельно просила не быть такими же, как он. Ещё Саша не выговаривал «р», и каждый раз коряво произнесённое им слово «литература» вызывало у нашей воспитательницы приступ бешенства. Позже я выяснил, что Саша вынужден был приходиться в сад, так как воспитывался без папы, и идти после школы ему было просто некуда, кроме как в адский котёл маминой нечеловеческой ненависти.

Екатерина Григорьевна сразу показала нам, что она нас ненавидит от всей души. Любой косяк с нашей стороны – будь то нежелание лежать с закрытыми глазами во время тихого часа или неприличное разглядывание писек в туалете – заканчивался экзекуцией, в большинстве случаев ударом по копчику.

Процедура была проста и незатейлива: провинившийся должен был повернуться задом и получить смачный удар по заднице прямо по назначению от вытянутой ноги, обутой в сабо московского производственного объединения «Заря». Если кто не в курсе, то это объединение производило много товаров народного потребления, включая обувь на высокой деревянной подошве – самый что ни на есть эффективный бьющий инструмент.

«Откуда ты это помнишь?» – спросите вы. Отвечу честно: я не раз получал от Екатерины Григорьевны прямо в копчик, она, признаться, обладала отличной меткостью и силой удара. Было это чертовски больно, а кондовый деревянный материал, из которого её тапки были сделаны, мне близко знаком с самого раннего детства. Ну а логотип «Заря», красовавшийся сбоку подошвы этой обуви, отлично бросался нам в глаза в качестве инструмента наказания. Значительно позже, на день рождения, мне подарили шагомер того же объединения «Заря», и со мной случилась страшная истерика, сопровождаемая рыданиями и воспоминаниями о боли.

Екатерина Григорьевна всем раздавала клички. Как я уже говорил, её сын Саша был дебил и идиот, остальные же сравнивались с дикими животными. Прозвища своих товарищей я помню смутно, но моя кличка мне отложилась в памяти навеки: я по версии Екатерины Григорьевны почему-то был «ехидной». Мне пришлось быть свидетелем, как она меня распекала, передавая свою смену другой воспитательнице, приговаривая, показывая на меня: «Вот этот вот – ехидна, вот прям вылитый, ехидны такие». Уже с детских лет я имел полное представление, как выглядит этот зверёк, благодаря подробному описанию Екатерины Григорьевны. В принципе, с высоты прожитых лет, я понимаю, что какое-то сходство, возможно, и было.

Однажды зимой, когда было очень много снега, мы всей группой лепили снеговика. Получился он у нас выше, чем мы сами. После чего мы стали раскрашивать его акварельками в разные цвета, старались как могли, под чутким руководством находящейся в отличном расположении духа Екатерины Григорьевны. Вдруг я поскользнулся и падаю, рефлекторно хватаясь за снеговика. Всё наше произведение искусства разрушается вдребезги, дети страшно расстроены, а Екатерина Григорьевна, даже не уточнив, всё ли со мной в порядке, обвинила

меня в том, что я упал специально, разрушив вдрызг коллективное творчество, нагнетая это все фразами, обращёнными к другим детям: «Вот он виноват, он, ехидна поганая». Эта же версия была озвучена моему папе, который пришёл меня забирать. Так как доверия мне было больше, папа убедился, что я не обманываю, утверждая, что падение было случайным. Но для этого пришлось показать на месте разрушенного снеговика полную реконструкцию того, что произошло – мой первый следственный эксперимент, можно сказать. Порицания никакого не последовало, но уже с детских лет я сторонюсь коллективного творчества, дабы не быть незаслуженно обвинённым во всех смертных грехах. Кстати, снеговик Олаф из мультика – мой самый нелюбимый персонаж, напоминает мне о той травме.

Однажды, после тихого часа, Екатерина Григорьевна выстроила нас кругом возле деревянного шкафа. По воцарившейся томительной тишине мы понимали, что будет серьёзный разговор. «Вы знаете, что это?» – спросила она, указывая на непонятный знак, нарисованный синей шариковой ручкой прямо на боковой панели шкафа. Никто из нас, конечно же, этого не знал. «Это свастика», – сообщила нам Екатерина Григорьевна загробным голосом, – «фашистский знак, который нельзя рисовать ни при каких обстоятельствах. Узнаю, кто это сделал, по стенке размажу». В этой мёртвой тишине мы разошлись, не поняв, что именно это за знак и почему его нельзя рисовать. Время было идти на прогулку, и мы благополучно забыли об инциденте со шкафом.

Вывалили мы на прогулку всей гурьбой, стоял зимний морозец, снега навалило много. У меня была подружка Анечка, с которой я уселся рисовать узоры прямо на снегу. Чёрт меня дёрнул изобразить тот же знак, что мы все видели на шкафу – ведь интересно, что же будет дальше. А дальше было неожиданное появление Екатерины Григорьевны с тыла, орущей: «Понятно теперь, кто на шкафу это нарисовал». Мое сердце просто ушло в пятки, я думал, что после такого преступления мне точно не жить. Своими сапогами той же фирмы «Заря» она остервенело стёрла мои художества, меня с силой посадила на веранду и сказала: «Всё, ехидна, доигрался ты!»

Я понимал, что не отмажусь, хотя в голове крутились версии, что это была попытка нарисовать окошко домика, и я просто не успел закончить рисунок. Ощущение духа НКВД, судебных троек и неминуемого расстрела без права обжалования я тогда почувствовал в полной мере, даже теоретически не предполагая, что это такое. Сидя на веранде, презираемый всеми, я задавался вопросом, зачем это нарисовал, ведь говорили же: нельзя ни при каких обстоятельствах. Вляпался на ровном месте. В конце того тяжелейшего дня то ли Екатерина Григорьевна забыла, то ли момента подходящего не было, но мой папа, пришедший меня забирать, об этом инциденте не узнал. Тогда меня очень удачно пронесло, хоть я и попрощался с собственной жизнью в душе.

Детский сад я не любил и всячески мечтал о школе. Как-то из сада меня забирал старший брат и, по пути домой, я попросил его, чтобы школьный рюкзак нес я, дабы все вокруг думали, что я уже школьник. Брат с огромным удовольствием передал мне свой тяжеленный багаж, плотно забитый учебниками. Тащил я это до дома, изнемогая от мышечной боли и пытаюсь вглядываться в лица редких прохожих, что встречались на нашем пути. Надо ли пояснять, что никто не оценил мой порыв, собственно, даже и не обратив никакого внимания на малолетнего глупыша.

Годы шли, настал момент прощаться с садом и сделать общее фото. Нас расставили в ряды, Екатерину Григорьевну разместили в самом центре. Всё прошло, как по маслу – без лишних оскорблений и ударов по копчику. Если бы не один момент: пачку фотографий, групповых и индивидуальных, выдали Екатерине Григорьевне, чтобы она их вклеила в красную папку каждому из детей – задумка была сделать что-то типа диплома. Работа у Екатерины Григорьевны не задалась: фотобумага, на которой отпечатали фотографии, оказалась загнутой по бокам. Она пыталась и так наляпать и смять. Силикатный клей предательски налипал на паль-

цах, что оставляло следы на фотографиях, и видно было, что она жутко нервничает. В итоге воспитательница обратилась к нам: «Я должна сходить и забрать кастрюлю с вашими помоями, которые вы будете есть на обед. К столу никто не подходит и ничего не трогает, иначе наказания не избежать». И ушла. Я, самонадеянно полагая, что у меня есть минут пять, просто привстал с детского стульчика, чтобы разглядеть, что ж там у неё не клеится, даже в мыслях не имея подходить к этой аномальной зоне близко и уж тем более не собираясь что-либо там трогать. Повернув голову, я увидел Екатерину Григорьевну с кастрюлей «наших помоев» на обед. Она посмотрела на меня пугающе-колючим взглядом прямо на ходу. Я сделал вид, что встал вынужденно, чтобы поправить колготки, она проследовала на кухню, чтобы поставить кастрюлю. Я на какой-то момент даже подумал, что пронесло, хотя тот разъярённый взгляд не сулил ничего хорошего. Разумеется, я ошибся: она подлетела ко мне, схватила за грудки и как начала трепать. Я думал, мозги просто вылезут в виде жижи из ушей – перегрузки я тогда почувствовал космические. В вину мне вменялось непослушание: она предупреждала, но я встал, чем заслужил экзекуцию.

При прочтении у читателя возникнет закономерный вопрос: а разве она всегда психопатично вела себя? У меня были детские наблюдения, дающие основания полагать, что не всегда. Один раз мама пришла забрать меня пораньше, во время тихого часа. Екатерина Григорьевна была добра как никогда, называла маму по имени, что очень располагало к себе, рассказывала, как всё замечательно в саду и группе, как ей нравится её работа и как она любит детей. Я спросил у мамы, могу ли я забрать понравившуюся игрушку, на что Екатерина Григорьевна, не дожидаясь реакции мамы, выпалила: «Конечно, бери!» Честное слово, у меня был разрыв шаблона – я полагал, что её подменили, что не может человек одновременно нас всех ненавидеть и проявлять такую безграничную доброту. О характерном для таких абьюзеров двуличии я, разумеется, не знал и даже не догадывался.

Хотя детские наблюдения о том, что люди бывают с двойным дном, отчётливо засели в моей памяти. В последний день в родном детском саду был выпускной утренник. Екатерина Григорьевна сидела на детском стульчике среди нас, как назло, прямо рядом со мной. В процессе чтения стихов и благодарственных речей я заметил, что у неё льются слёзы прямо градом. Она даже попросила у меня носовой платок, который мне мама бережливо положила в кармашек. Я отчётливо помню, что тогда ни разу не поверил её слёзам – мне показалось, что всё наиграно, и, по счастью, этот адский утренник закончится, и я её больше никогда не увижу. Надо ли пояснять, что носовой платок так и не вернулся обратно, хоть я и пожаловался маме, которая не стала этот вопрос поднимать.

Екатерина Григорьевна – это несчастный человек, одинокий, неустроенный в жизни, воспитывающий в одиночестве сына, из которого толком ничего не получилось. Позднее я узнал, что Саша стал злоупотреблять спиртным, с трудом окончил 9 классов и стал зарабатывать на жизнь, копая могилы на кладбище, тут же пропивая свои более чем скромные доходы. Наверное, корни её оскотинивания находятся в этой плоскости, что, разумеется, не оправдывает её жестокости по отношению к детям, которые не в состоянии ответить и даже толком пожаловаться родителям. Я не знаю откуда, но в моём сознании было отчётливое понимание того, что воспитатель всегда прав, даже когда бьёт по копчику деревянной тапкой и обзывается обидными словами. Только спустя годы, уже учась в школе, я смог рассказать маме, как со мной и всеми нами обращалась Екатерина Григорьевна. Мама только спросила с горьким сожалением: «Почему ты мне об этом не сказал раньше?»

Интересуйтесь у своих детей, как у них дела, никто ли их не обижает. Задавайте прямые вопросы, не проявляют ли агрессию воспитатели. Даже если у вас железобетонное впечатление, что всё в порядке, когда вы отдаёте и забираете ребёнка, очень часто бывает, что промежуток в 8 часов превращается для вашего малыша в каждодневный ад, состоящий из насилия психологического и физического. Ваш ребёнок не может самостоятельно оценить

правильность и справедливость всего происходящего, поэтому сделайте всё возможное, чтобы контролировать процесс даже в момент, когда вас нет рядом. Иначе будет поздно, и вам останется только сокрушаться и сожалеть.

ГЛАВА 2. НАЧАЛЬНАЯ ШКОЛА И УЧИТЕЛЬНИЦА ПЕРВАЯ МОЯ

Итак, мои страдания в саду были завершены, и я пошёл в первый класс в 1988 году. Так получилось, что я родился в конце года, в ноябре, и начал своё 10-летнее путешествие с 6 лет, будучи самым мелким в классе, беззубым и самым слабым. Мои родители провели большую подготовительную работу со мной: мама сказала, чтобы я непременно сел за первую парту, полвечера мы обсуждали, как нам лучше этого добиться. Сказать, что я переживал – ничего не сказать, я полночи не спал, рисуя себе картины, как меня затопчет толпа и все 10 лет я просижу «на Камчатке» без права приближения к знаниям.

Утром, облачённый в школьную форму, с букетом цветов и ранцем за плечами, я с родителями выдвинулся к школе. Папа бегал вокруг с фотоаппаратом, чтобы запечатлеть этот трогательный момент, мама полными глазами слёз, сдерживая себя, чтобы не разрыдаться, смотрела издали, как я стою среди своих одноклассников под табличкой «1 класс "В"». Мое и мамино напряжение, да и, собственно, неизвестность сказались самым негативным образом: я разрыдался. Моя первая учительница Шамраева Любовь Ивановна подошла ко мне, спросила, в чём дело, я ответил, что хочу на первую парту, но боюсь, что мне туда не попасть с этой толпой желающих. Она меня приобняла и сообщила, что всё будет хорошо, и она лично проконтролирует, чтобы я сел именно за первую парту. Так в итоге и получилось!

Любовь Ивановна взяла нас в первый класс, находясь в предпенсионном возрасте – ей было 47 лет – с целью выпустить нас и уйти на заслуженный отдых. Стоит отметить, что она обладала хорошими навыками работы с детьми, но бывало, что её срывало с катушек. Лично ко мне у неё отношение было хорошее, но сложные дети, которые не хотели спокойно сидеть, вникать и слушать, получали от неё по полной. Однажды мой одноклассник Мишка никак не понимался – смеялся невпопад, мешал вести урок. Любовь Ивановна ему сделала одно замечание, второе, третье – ноль реакции, после чего она приблизилась к нему и стала его трясти как грушу, сомкнув зубы и крича остервенело: «Ась! Ась! Ась!» Что такое «Ась» я не знал, но было страшно, тем более что всё происходило в 2 метрах от меня, так как Мишку тоже посадили за первую парту, но как буйного. Воцарилась гробовая тишина в классе, и Любовь Ивановна продолжила урок.

Отчётливость воспоминаний для меня является лакмусом при определении токсичности и травматичности ситуации в моём детстве. Я плохо помню выходок первой учительницы, помню только, что у неё были претензии, когда мне папа с помощью утюга заламинировал пленкой дневник наблюдений за погодой, что выгнуло обложку и дневник стал напоминать птицу с крыльями. Любовь Ивановна, заметив это новомодное решение, подняла этот дневник на высоту собственного роста, швырнула на пол и назвала это половой тряпкой.

Ещё мы никак не находили общего языка на уроках ИЗО. Я рисовать никогда не любил и не умел, за что всегда получал «удовлетворительно» в лучшем случае. Мама, тоже без художественных талантов, сжалась надо мной и, приложив книжку с оригинальной иллюстрацией синички и лист бумаги к окну, обвела контуры оригинала. Мне же оставалось только раскрасить синичку и подобрать подходящий фон. Синичка получилась синей на, как мне тогда казалось, удачно выбранном алом фоне. И за это я получил «удовлетворительно». А когда надо было сшить мягкую игрушку в виде гномика по выкройкам, входящим в набор для кройки и шитья, за дело взялся папа. Всё бы ничего, но голова с колпаком оказалась тяжелее туловища, и только за то, что гномик не стоял, а падал, мне, а по факту моему папе, тоже поставили «удовлетворительно».

Любовь Ивановна в целом была довольна моими успехами, и физического насилия мне от неё не прилетало. Какого-то смельчака она смешала с дерьмом, когда он заявил, что не собирается вступать в пионеры. Ещё она вызвала маму одного «диссидента», чтобы указать, что у него слишком длинные волосы, на что в ответ получила просьбу учить, а не указывать, как кому ходить.

Как-то однокласснику Мишке, которого Любовь Ивановна трясла, тоже прилетело – он был высмеян всем классом. Однажды, на уроке труда, мы делали «дергунчика» – фигурка которого вырезалась из картона, а лапки прикреплялись по бокам и приводились в движение за ниточку. Я одним из первых презентовал «готовый продукт», передав его Любви Ивановне для оценки. Она его подёргала и выпалила перед всем классом: «Это же вылитый Мишка!»

Любовь Ивановна ушла на пенсию, а мы, удачно завершив начальную школу, побыв октябрятами, вступили в пионеры, дружно сняли с себя пионерские галстуки и продолжили обучение в средней общеобразовательной школе. Одноклассник Мишка переехал со своей мамой в Америку, мы же остались один на один с 90-ми. Любовь Ивановна любила прогуливаться по Крылатским Холмам и довольно часто заходила в нашу школу проведать бывших коллег. Я отчётливо помню нашу встречу, которая произошла в школьной библиотеке.

Я там подвисал с журналом «Мурзилка», который в 90-е уже стал похож на гляцевый «Плейбой», а для меня это был вообще порножурнал. Мне очень нравилась картинка Адама и Евы, опубликованная на целую страницу. Хотя все причинные места были прикрыты, мне было офигенно приятно рассматривать обнажённые тела. Библиотекарша была рада моим визитам, предполагая, что я очень сильно тянусь к знаниям, даже не догадываясь об истинных причинах моих каждодневных появлений.

Так вот, Любовь Ивановна пришла в плохом расположении духа и сразу, завидев мою фигуру с порога, стала меня чихвостить, что, дескать, я выкрикиваю с места, плохо себя веду и вообще, она часто моего отца встречает, и всё ему непременно расскажет. Честно говоря, я даже не понял, какие именно грехи мне ставятся в упрёк, поэтому я просто стоял, краснел и глупо улыбался, уставившись в эту вот картинку Адама и Евы. Вся эрекция, возникавшая от просмотра обнажённых тел, мигом прошла, и в этот момент мне просто захотелось провалиться сквозь землю от стыда. Такие же чувства, я думаю, испытала и библиотекарша, считавшая меня очень воспитанным и умным мальчиком, но в тот момент получившая полный разрыв шаблонов. Самое страшное, что Любовь Ивановна в тот день всё же встретила случайно моего отца, и как обещала, всё ему рассказала. Папа пребывал в недоумении, и после разговора со мной мы сошлись на том, что учительница первая моя оказалась в плену старческого маразма. Ну, с кем не бывает?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.